

**І. «...МЕТЕЛЯМ НЕ ЗАДУТЬ СВЕЧУ»
Материалы XXVIII Февральских
музейных чтений памяти С.С. Гейченко
(13–16 февраля 2025 года)**

Вячеслав Козмин

**«...У ДЕВОЧКИ В ТРИНАДЦАТЬ ЛЕТ»
(ИЗ КОММЕНТАРИЕВ К РОМАНУ А.С. ПУШКИНА
«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»)**

В романе «Евгений Онегин» А.С. Пушкин дважды упоминает о возрасте своих героинь — «тринадцать лет». Сначала в XVIII строфе третьей главы:

— И, полно, Таня! В эти лета
Мы не слыхали про любовь;
А то бы согнала со света
Меня покойница свекровь. —
«Да как же ты венчалась, няня?»
— Так, видно, Бог велел. Мой Ваня
Моложе был меня, мой свет,
А было мне тринадцать лет¹.

(VI, 59)

Затем в VIII строфе следующей, четвертой главы:

Кому не скучно лицемерить,
Различно повторять одно,

¹ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. В 19 т. М., 1994–1997. Т. 14. С. 245–246. Здесь и далее номер тома указывается римской цифрой, страница — арабской.

Стараться важно в том уверить,
В чем все уверены давно,
Всё те же слышать возраженья,
Уничтожать предрассужденья,
Которых не было и нет
У девочки в тринадцать лет!
Кого не утомят угрозы,
Моления, клятвы, мнимый страх,
Записки на шести листах,
Обманы, сплетни, кольца, слезы,
Надзоры теток, матерей,
И дружба тяжкая мужей!

(VI, 75–76)

Близость этих двух дат в хронологической канве пушкинского романа предполагает наличие смысловой связи между ними. К тому же странные возрастные совпадения соотносятся с близкими друг другу персонажами: няней и ее воспитанницей. Единственным указанием на возраст Татьяны является письмо к П.А. Вяземскому, в котором автор упоминает о семнадцатилетней Татьяне Лариной (XIII, 125).

В комментариях Ю.М. Лотмана и В.В. Набокова к роману «Евгений Онегин» решение проблемы носит частичный характер. В первом случае автор детально рассматривает социально-экономический контекст XVIII строфы третьей главы, но не обращает внимания на содержание VIII строфы четвертой главы. Набоков, напротив, опускает комментарий к первому сюжету и предлагает свою расшифровку второго. По его мнению, появление даты «тринадцать лет» является следствием «неосознанного влияния суффикса *-nette* из экологии Парни «Час любовного свидания»: «Мне четырнадцать, — / Отвечает Нисетта, — / Я слишком молода / Для любви»².

В черновиках третьей главы действительно встречается имя французского поэта. Оно появляется в связи с размышлениями автора о стилистике письма Татьяны Онегину: «Перо [достойное] Парни», «Письмо на языке Парни», «Язык Парни» (VI, 311). Но какое отношение эти наблюдения имеют к «девочке в тринадцать лет», не совсем понятно.

² Набоков В.В. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1998. С. 349.

Автор «Лолиты», кажется, намекает на то, что речь идет о Татьяне Лариной, которая всего лишь на год младше героини Парни.

В.С. Баевский поставил под сомнение значимость эпистолярного свидетельства Пушкина о возрасте Татьяны и уже без всяких намеков выдвинул гипотезу об условном характере возраста героини: «Выходя за пределы первой главы, обратимся к датировке основных событий жизни Татьяны Лариной. Отвечая на критику Вяземского, Пушкин объяснял противоречия письма Татьяны тем, что она влюблена и что ей 17 лет. Однако в текст романа поэт такого указания не ввел (как он это сделал применительно к Онегину или Ленскому). Думается, аргумент из эпистолярной дискуссии, использованный в порядке «антикритики», не следует употреблять для расстановки временных вех, как делают некоторые комментаторы. Надо думать, в замысел поэта здесь входила некоторая неопределенность»³.

Неопределенность в вопросе о том, кто подразумевается под «девочкой в тринадцать лет» и сколько лет Татьяне Лариной, некоторое время не вызывала вопросов у читающей публики. Но, как говорится, свято место пусто не бывает. В 2008 году в газете «Комсомольская правда» появилась статья Евгения Черных с броским заголовком «Онегин отверг любовь Татьяны, так как не был педофилом?» Основываясь на версии сексолога Александра Котровского, автор доводит до читателя мысль о том, что героине романа действительно было всего 13 лет: «Для рифмы вставлено словечко? С таким же успехом можно было написать «пятнадцать» и «семнадцать». Девочка — абстрактная фигура, для красного словца? Но у Пушкина ничего случайного в стихах нет. Он всегда точен даже в деталях. Выходит, 13 лет было Татьяне Лариной, когда та отправила Евгению письмо?! Ведь больше в романе нигде ее возраст не указан»⁴. Статья — броская, отчасти провокационная. Но в ней присутствует попытка разобраться в возрастных перипетиях пушкинского романа, в также предлагается объяснение причин отвержения Онегиным любовных притязаний малолетней барышни. Журнальная версия была поддержана доктором филологических наук А.Н. Ужанковым⁵.

³ Баевский В.С. Время в «Евгении Онегине» // Пушкин: исследования и материалы. Л., 1983. Т. 11. С. 122.

⁴ Черных Е. Онегин отверг любовь Татьяны, так как не был педофилом? // Комсомольская правда: сайт. Публ. 5.06.2008 [Электронный ресурс: <https://www.kp.ru/daily/24110.3/334059>].

⁵ Ужанков А.Н. Неизвестное об известном. Евгений Онегин // You-

Последним выплеском темы стали статьи журналиста, театрального критика А.В. Минкина (*Александр Викторович Минкин внесен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов 12 января 2024 года*) всё в той же «Комсомольской правде». В 2022 году вышла в свет его же объемная многотиражная монография «Немой Пушкин». Автор эмоционально полемизирует с оппонентами и в том, что касается возраста героини, и сохраняет традиционализм: «Да, уважаемые читатели, Татьяна 17 лет, и не обращайтесь внимания на уродов (или, вежливее сказать, — недоумков), которые, соблазняя других недоумков, потратили десятки лет и тонны бумаги, доказывая, что ей 13, а то и 9. Они просто путают Таню с няней, которую выдали замуж в 13 лет»⁶. Далее автор высказывает предположение: «Но, во-первых, здесь вообще не про Татьяну, а про столичную жизнь Онегина (о чем ниже). «Дружба тяжкая мужей» — чьих? Тани и Оли? Они не замужем. Во-вторых, «у девочки в тринадцать лет» — это просто выражение»⁷.

Солитаризируясь с автором в вопросах здорового консерватизма, укажем на уязвимость его доказательств. Во-первых, никаких текстологических доказательств, проясняющих историю тринадцатилетней особы из четвертой главы, автор не приводит. Во-вторых, из ниоткуда «просто выражения» не появляются.

К сожалению, современные критики и «антикритики» делают свои выводы, опираясь на общедоступные печатные варианты пушкинских произведений. Мало кто заглядывает в академическое полное собрание сочинений А.С. Пушкина, вышедшее в 1937–1959 годах⁸, и его репринтное воспроизведение, приуроченное к двухсотлетию юбилею поэта⁹.

В этих солидных изданиях воспроизведены черновики поэта, в которых содержатся наброски первоначальной композиции романа, предварительная структура строф, многочисленные правки и варианты. Те драгоценные источники творческого вдохновения, по поводу которых поэт писал:

Tube: сайт. Публ. 27.05.2015 [Электронный ресурс: https://www.youtube.com/watch?v=pCvIj_o_E48https].

⁶ Минкин А.В. (*Александр Викторович Минкин внесен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов 12 января 2024 года*). Немой Пушкин: роман о поэме. М., 2022. С. 16–17.

⁷ Там же. С. 18.

⁸ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. В 16 т. М. ; Л., 1937–1959.

⁹ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. В 19 т. М., 1994–1997.

...Разнообразные, заветные преданья
Всей младости моей. Надежды, и мечты,
И слезы, и любовь, друзья, сии листы
Всю жизнь мою хранят.

(II, 354)

Пробудившиеся в голове автора мысли и образы сначала «оседали» в черновиках, далее подвергались редактированию в соответствии с замыслом произведения и обретали окончательную форму в журналах и книгах. Соответственно, изучая творческие «маршруты» пушкинской мысли, крайне полезно пройти тот же путь познания, каковым следовал герой его романа Ибрагим Ганнибал: «Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная» (VIII, 13). Зачастую подобное путешествие от замысла к воплощению становится единственным способом дойти до истины. Ценность черновых набросков состоит в том, что в них зачастую проявляются следы биографического императива: значимые даты и события автобиографии. В романе «Евгений Онегин» сосуществуют художественная и документальная линии повествования. Иногда они пересекаются. Как следствие, возникают те самые недоразумения, вокруг которых, в частности, возник упомянутый выше сыр-бор.

В «энциклопедии русской жизни» отражены не только бытовые аспекты романтических взаимоотношений героев романа. Автор косвенно отслеживает процесс эволюции законодательных норм брачного права, существовавших в России с XVIII века до первой трети XIX века. На протяжении веков на Руси браки совершались «на небесах», т. е. находились в юрисдикции церкви. Согласно сборнику решений Стоглавого собора 1551 года, разрешалось вступать в брак юношам с 15 лет, девушкам — с 12–13 лет. В начале XVIII века император Петр I сделал попытку отойти от старой традиции низкого брачного возраста невест: «Указ о единонаследии 1714 года определял 17 лет как возрастной ценз девушек при вступлении в брак. Однако обычай выдавать замуж рано, в 12 лет, когда девочки были несамостоятельными и зависимыми не только от воли, но и от житейского опыта родителей, продолжал сохраняться, несмотря ни на какие указы. Церковные правила по-прежнему обязывали «сродичей» женить девочек и вообще детей без задержки, едва те «войдут в возраст»: «Всякому

родителю подобает сына своего женить, егда скончается возрасту его 15 лет, а дочери 12 лет». Таким образом, указ о повышении брачного возраста невест до 17 лет нарушал не только традицию, но и церковную (византийскую) норму права. Как и в XVII веке, в петровское время законодательные установления о брачном возрасте невест мало кем соблюдались¹⁰. В 1774 году указом Синода было восстановлено старое допетровское правило: брачный возраст девушек был понижен до 13 лет. В 1830 году указом императора Николая I снова повышен: для девушек — 16 лет, для юношей — 18¹¹.

Спустя столетие после либеральных указов Петра I настроения в обществе изменились: «В начале XIX века юные дворянки и вообще представительницы привилегированного сословия выходили замуж, как правило, в возрасте от 17 до 23 лет и старше, хотя бывали исключения. Во всяком случае, при упоминании возраста незамужней девушки в мемуарах стало употребляться словосочетание «ей было уже 17 лет» — когда речь шла о возрасте совершеннолетия»¹².

В отличие от няни, родившейся в середине XVIII века, пушкинская Татьяна — ровесница Пушкина. Она дитя своего времени и воспитана на нянюшкиных сказках и французских романах. Новое время расширило диапазон душевных переживаний, следствием чего стала пролонгация периода, предшествовавшего вступлению в семейную жизнь. Это тот отрезок жизни, который в наше время в шутку зовут конфетно-букетным периодом. Концепция «стерпится — слюбится» стала замещаться формулой «сначала слюбится, а потом и стерпится, в законном браке». И далее по тексту: «Я буду век ему верна» (VI, 188).

Изменился и расширился круг чтения дворянок: «Я читаю очень много. Ты не можешь вообразить, как странно читать в 1829 году роман, писанный в 775-м. Кажется, будто вдруг из своей гостиной входим мы в старинную залу, обитую штофом, садимся в атласные пуховые кресла, видим около себя странные платья, однако ж знакомые лица, и узнаем в них наших дядюшек, бабушек, но помолодевшими» (VIII, 50). Одной из форм чувственных проявлений стал жанр романтических любовных посланий. Поэтому тотчас после эмоциональных излияний Татьяна пишет письмо Онегину.

¹⁰ *Пушкарева Н.Л.* Частная жизнь русской женщины XVIII века. М., 2012. С. 23.

¹¹ Там же. С. 24.

¹² Там же.

Строфы XVII–XX третьей главы и письмо — исповедь Татьяны. Начало четвертой, на наш взгляд, — исповедь автора, далее следует исповедь Онегина. Содержание третьей главы, начиная с диалога няни с Татьяной, становится триггером дальнейших размышлений автора о сути любви.

2 октября в Михайловском Пушкин закончил третью главу и приступил к четвертой. К 1 января 1825 года была написана XXIII строфа. Вместо публикации ответного письма Татьяне от Онегина автор в рабочей тетради начинает четвертую главу с вопросов и ответов самому себе: делится с будущим читателем любовным опытом:

[Я отрок был] и мною правил!
Ваш хитрый слабый милый пол
Тогда себе закон я ста<ви>л
[Его] летучий произвол

(VI, 333)

Впоследствии, в октябре 1827 года, эти слишком откровенные строфы были напечатаны в журнале «Московский вестник» под заголовком «Женщины. Отрывок из Евгения Онегина». Интересующая нас строфа, в которой говорится о «девочке в 13 лет» (в черновике — IVa), в публикацию 1827 года не вошла:

[Всегда] без нужды лицемерить
Скажите, смешно
Стараться важно в том уверить
В чем уж уверены давно
Всё те же слышать возраженья
Уничтожать предрассужденья
Одно и то же размышлять
[На предрассудки возражать]

(VI, 336–337)

Над последней строкой автор приписал два варианта, предполагавшие последующее развитие сюжета: «которых нет» и «15 лет». По-видимому, первый возрастной маркер «15 лет» возник на основе собственных впечатлений и собственного литературного опыта. В сем-

надцатилетнем возрасте молодой Пушкин написал стихотворение в античном духе «Фавн и пастушка»:

С пятнадцатой весною,
Как лилия с зарею,
Красавица цветет;
Всё в ней очарованье:
И томное дыханье,
И взоров томный свет,
И груди трепетанье...

(I, 212)

Героиня стихотворения — «пастушка». Она очаровательна, наивна и соблазнительна. Ей — пятнадцать лет. Был ли у литературной красавицы реальный прототип — неизвестно. Но ей столько же лет, сколько сначала, по мысли автора, должно было исполниться загадочной «девочке» из IV черновой строфы.

Оказавшись в «глухом» Михайловском, поэт разнообразил свой досуг прогулками в Тригорское. 24 октября дочь Прасковьи Александровны Осиповой Евпраксия отмечала свое пятнадцатилетие¹³. Автор, что называется, попал с корабля на бал. Милая девушка стала адресатом ряда комплиментарных стихотворных текстов. Ей в 1828 году на титульном листе 4–5 глав «Онегина» поэт оставил автограф «Твоя от твоих».

В XVII строфе на фоне свидания Онегина и Татьяны автор обращает внимание на деревенские особенности романтических взаимоотношений, основой которых является естественная чувственная простота:

Имеет сельская свобода
Свои старинные права
Как и спесивая Москва.

(VI, 350)

¹³ В семье Пушкиных и, возможно, Осиповых и Вульфов существовала традиция справлять не только именины, но и дни рождения близких родственников. См.: *Козмин В.Ю.* Веселый праздник именин // Михайловская пушкиниана. Вып. 92. Сельцо Михайловское, 2022. С. 109–140.

Ниже автор создает вариант XVIIа семнадцатой строфы, в котором присутствует местный автобиографический контекст:

Но ты — губерния Псковская, —
Теплица юных дней моих,
Что может быть, страна глухая,
Несносней барышень твоих?
Меж ими нет — замечу кстати,
Ни тонкой вежливости знати,
Ни [ветрености] милых шлюх —
Я, уважая русский дух,
Простил бы им их сплетни, чванство,
Фамильных шуток остроту,
Порою зуб, нечистоту,
[И непристойность и] жеманство —
Но как простить им [модный] бред
И неуклюжий этикет.

(V, 351)

Негативный настрой автора мог быть спровоцирован общением с гостями, приехавшими на день рождения Евпраксии, или частным конфликтом со старшей дочерью Прасковьи Александровны Анной Николаевной. В письме брату, датируемом первой половиной ноября, поэт пишет: «Кстати о талии: на днях я мерялся поясом с Евпраксией, и тальи наши нашлись одинаковы. След, из двух одно: или я имею талью 15-летней девушки, или она талью 25-летнего мужчины. Евпраксия дуется и очень мила, с Анеткою бранюсь; надоела!» (XIII, 120). Наряду с прочими изъясными воспитания Пушкин отмечает пародийный характер адаптации модных тенденций в провинции. Тем более привлекательными для автора становятся те «натуральные» представительницы женского пола, которым недосуг «...всё те же слышать возраженья / Уничтожать предрассужденья...» (VI, 337). П.В. Анненков так охарактеризовал Е.Н. Вульф: «...она... постоянно отворачивалась от романтических ухаживаний за собой и комплиментов, словно ждала чего-либо более серьезного и дельного от судьбы»¹⁴.

¹⁴ Анненков П.В. Пушкин в александровскую эпоху / сост. А.И. Гарусов. Минск, 1998. С. 196.

В начале декабря в письме сестре Пушкин сообщает о своем конфликте с барышнями из Тригорского: «Твои троегорские приятельницы несносные дуры, кроме матери. Я у них редко. Сижу дома да жду зимы» (XIII, 127). В это время у поэта случился роман с еще более естественной в своих проявлениях «поселянкой» — дворовой Ольгой Калашниковой. Уездная барышня Евпраксия и, тем более, местная крестьянка обладали способностью любить без затей, по-настоящему. В этом они близки героиням очерка «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева: «Я люблю женщин для того, что они соответственное имеют сложение моей нежности; а более люблю сельских женщин, или крестьянок для того, что они не знают еще притворства, не налагают на себя личины притворныя любви, а когда любят, то любят от всего сердца, и искренно»¹⁵.

Радищев в произведении, написанном в конце XVIII века, выделяет особую генерацию русских женщин, искренних и способных к проявлению настоящих чувств. Этим же даром обладает пушкинская героиня: «Татьяна любит не шутя» (VI, 62). Татьяна и Евпраксия — не крестьянки. Они по «классификации» Радищева — «сельские женщины» или, в пушкинской терминологии, «уездные барышни». В 1829 году в «Романе в письмах» поэт отмечает: «Кроме Лизы, есть у меня для развлечения Машенька ***. Она мила. Эти девушки, выросшие под яблонями и между скирдами, воспитанные нянюшками и природою, гораздо милее наших однообразных красавиц, которые до свадьбы придерживаются мнения своих матерей, а там — мнения своих мужьев» (VIII, 56). Оба автора склоняются к тому, что женщины, живущие «вдали от городов», отличаются чистотой помыслов и целомудренностью. К тому же их чувственные порывы не зависят от регламентированных большим светом правил любовной игры. Они противопоставлены иным, такого рода: «Часто удивлялся я тупости понятия или нечистоте воображения дам, впрочем, очень любезных. Часто самую тонкую шутку, самое поэтическое приветствие они принимают или за нахальную эпиграмму, или неблагопристойную плоскость. В таком случае холодный вид, ими принимаемый, так убийственно отвратителен, что самая пылкая любовь против него не устоит» (VIII, 55–56).

По всей видимости, юная пятнадцатилетняя Евпраксия произвела впечатление на поэта, что нашло отражение в черновом варианте

¹⁵ Радищев А.Н. Полное собрание сочинений. М. ; Л., 1938. Т. 1. С. 304.

«15 лет». 29 ноября поэт отправляет письмо Вяземскому, в котором предельно ясно высказывается о возрасте Татьяны Лариной — «семнадцать лет»: «Отвечаю на твою критику: Нелюдим не есть мизантроп, то есть ненавидящий людей, а убегающий от людей. Онегин нелюдим для деревенских соседей; Таня полагает причиной тому то, что в глуши, в деревне всё ему скучно и что блеск один может привлечь его... если, впрочем, смысл и не совсем точен, то тем более истины в письме; письмо женщины, к тому же 17-летней, к тому же влюбленной» (XIII, 125). В промежутке между октябрем-декабром 1824 года созданы начальные строфы четвертой главы. В том числе строфа, в которой появляется девочка «в 15» лет. В письме Вяземскому Татьяне — 17 лет, в черновой строфе — 15 лет. Авторская разноголосица в пределах короткого промежутка времени может быть объяснена только тем, что речь идет о разных персонажах и разных сюжетных линиях романа. Татьяна по ходу романного действия повзрослеет, «девочка», в результате авторских правок, напротив, «помолодеет». Странно, что никто из исследователей не обратил внимания на это очевидное противоречие.

В полном соответствии с духом времени семнадцатилетние барышни, реальные и литературные, стали доминировать в пушкинских произведениях. В январе-феврале 1825 года в Тригорском Пушкин вписал в дамский альбом полудружеское и полуназидательное стихотворение, обращенное к Анне Николаевне Вульф:

Я был свидетелем златой твоей весны;
Тогда напрасен ум, искусства не нужны
И самой красоте семнадцать лет замена.
Но время протекло, настала перемена,
Ты приближаешься к сомнительной поре,
Как меньше женихов толпятся на дворе,
И тише звук похвал твой слух обворожает...

(II, 340)

Старшую дочь Прасковьи Александровны Осиповой, Анну Николаевну, поэт впервые увидел во время своего первого посещения Тригорского в 1817 году. Тогда ей исполнилось семнадцать лет. Но к двадцати пяти годам она перешла в разряд старых дев — «однокошниц». Однако в целом невесты в начале XIX века «повзрослели», о чем свидетельству-

ет личный опыт самого поэта. Осенью 1826 года он сватался к двадцатилетней Софье Федоровне Пушкиной. В 1828 году — к Анне Алексеевне Олениной, которой шел двадцать первый год. В апреле 1829 года Пушкин просил руки семнадцатилетней Натальи Николаевны, но получил отказ, так как ее мать посчитала, что дочь была слишком молода для брака.

В ряде произведений Пушкин отразил общую для того времени тенденцию. В 1829 году был написан «Роман в письмах»: «Я познакомилась с семейством ***. Отец балагур и хлебосол; мать толстая, веселая баба, большая охотница до виста; дочка стройная меланхолическая девушка лет семнадцати, воспитанная на романах и на чистом воздухе. Она целый день в саду или в поле с книгой в руках, окружена дворными собаками, говорит о погоде нараспев и с чувством потчует варением. У нее нашла я целый шкаф, наполненный старинными романами. Я намерена всё это прочесть и начала Ричардсоном» (VIII, 47). В сентябре 1830 года, находясь в Болдине, Пушкин стремительно, на одном дыхании, создал повесть «Барышня-крестьянка». Описывая внешность Лизы Муромской, автор замечает: «Ей было семнадцать лет. Черные глаза оживляли ее смуглое и очень приятное лицо. Она была единственное и следственно балованное дитя» (VIII, 111). В октябре того же года появляется еще одна повесть — «Мятежь». В ней также фигурирует семнадцатилетняя девушка-невеста: «В конце 1811 года, в эпоху нам достопамятную, жил в своем поместье Ненадрове добрый Гаврила Гаврилович Р**... соседи поминутно ездили к нему поесть, попить, поиграть по пяти копеек в бостон с его женою, а некоторые для того, чтоб поглядеть на дочку их, Марию Гавриловну, стройную, бледную семнадцатилетнюю девицу» (VIII, 77). Выражение «поглядеть на дочку» в народной культуре называлось «смотринами», которые были частью свадебной церемонии. В романе «Капитанская дочка» возраст преодолевшей семнадцатилетний рубеж героини вызывает беспокойство ее родителей: «Тут вошла девушка лет осьмнадцати, круглолицая, румяная, с светло-русыми волосами, гладко зачесанными за уши, которые у ней так и горели... Одна беда: Маша; девка на выданье, а какое у ней приданое? частый гребень, да веник, да алтын денег (прости бог!), с чем в баню сходить. Хорошо, коли найдется добрый человек; а то сиди себе в девках вековойной невестою» (VIII, 297). В том же возрастном регистре находится влюбленная Татьяна Ларина, готовая соединиться узами брака с возлюбленным:

...Смирив со временем (как знать?),
По сердцу я нашла бы друга,
Была бы верная супруга
И добродетельная мать.

(VI, 66)

В 1827 году в журнале «Московский вестник» Пушкин опубликовал первые четыре строфы четвертой главы под общим названием «Женщины» (VI, 652). В 1828 году вышли в свет четвертая и пятая главы романа. Начальные строфы четвертой главы отсутствовали. Возможной причиной сюжетных «пустот» могло стать желание автора не оглашать подробности своих прежних «честолюбивых» подвигов. Четвертая глава начиналась с нумерации строф от I до VII. «Полноценные» строфы начинались с восьмой. Авторская редукция первоначальных строф, посвященных женщинам, не только скрывала грехи молодости, но и намекала сверхзадачу, решение которой выводило локальную историю пушкинских героев на иной уровень авторских обобщений: «Так, в начале четвертой главы через прием «стяжения смыслов» (над начальной строфой расположено сразу семь римских цифр) представлена философская актуализация «странности любви». Парадокс заключен уже в первом стихе: «Чем меньше женщину мы любим, / Тем легче нравимся мы ей». Автор выводит некую универсальную закономерность, проявляющуюся независимо от времени. Обобщенное авторское «мы» вводит мужской взгляд на взаимоотношения с женщиной, доведенный до сентенции. Феномен любви философски осмысливается автором и вводится в текст романа как всеобщий закон бытия»¹⁶.

Четыре опубликованных в 1828 году строфы были изъяты из окончательного печатного текста. Но пронумерованных строф не четыре, а шесть. Наличие двух дополнительных может свидетельствовать о том, что автор не только в отрывке «Женщины», но и в двух других строфах скрыл нечто личное и сокровенное. Или намекнул. Во всяком случае, особое структурирование начала главы, а также появление и последующее удаление «опасных» строф заставляет задуматься о том, кто на самом деле является автором потаенных строф: Онегин или его «роди-

¹⁶ Боткина Л.Н. Семантика композиционных пропусков в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Сибирский филологический журнал. Новосибирск, 2013. № 3. С. 47.

тель» Пушкин. От решения этого вопроса в значительной степени зависит атрибуция героини, той самой «девочки в тринадцать лет», которая в печатном издании появляется в VIII строфе четвертой главы.

Рецепт «любовного напитка», обеспечивающего власть над женскими сердцами, был получен Пушкиным в результате «смешения» разноплановых набросков, возникших в многочисленных вариантах черновой IV строфы: от IVa до IVг. «Текста строф V и VI не сохранилось, и возможно, что эти строфы не были написаны. Черновые рукописи строф VII, VIII, X утрачены» (VI, 342). Далее в рукописи появились XVII и IX строфы. В XII Онегин обещает поведать Татьяне историю своей жизни: «Узнайте исповедь мою — / Себя на суд ваш отдаю...» (VI, 344).

По-видимому, смысловая перенасыщенность начальных строф стала причиной структурирования текста. Сразу после окончания XII строфы поэт создает план расположения начальных строф четвертой главы. Но если только с XIII начинается исповедь Онегина, то чья то ли исповедь, то ли воспоминания разворачивается в первых строфах четвертой главы, начинающейся со слов: «[Я отрок был] и мною правил» (VI, 333)? К этой строке в черновике был приписан вариант — «15 лет».

Первые три строфы «Плана» вошли в отрывок «Женщины». Четвертая, «Словами юного поэта» (VI, 344), стала третьей. «Юный поэт» — вовсе не литературный Ленский, а лицейский друг автора А.А. Дельвиг, написавший в годы ученичества стихотворение «Фани». К тексту этого произведения адресованы пушкинские строки в отрывке «Женщины»:

Словами вещего поэта
Сказать и мне позволено:
Темира, Дафна и Лилета —
Как сон забыты мной давно.
Но есть одна меж их толпою...

(VI, 592)

Строфа IVa в печатном варианте 1828 года стала восьмой. В ней-то и появляется «девочка в тринадцать лет».

Заголовок опубликованного поэтом отрывка «Женщины» носил программный характер, поскольку был адресован доброй половине рода человеческого. Внутри данного «сообщества» автор разделяет два типа женщин. Представительница одного из них — опытная,

искушенная в искусстве любви покорительница мужских сердец. Воспоминания о другой, «одной меж их толпою» (VI, 592), окутаны легкой дымкой сокровенных чувств. В 1830 году в трагедии «Каменный гость» Пушкин обозначит водораздел между двумя противоположными женскими характерами: «В сущности — всё поведение Лауры полностью «автоматизировано», при всех неожиданных вспышках ее необузданного нрава. И наоборот, сила и прелесть Доны Анны — как раз в ее наивности, неопытном, неавтоматизированном восприятии мира»¹⁷.

Кого вспоминают то ли Онегин, то ли Пушкин — предмет отдельного исследования. Кто вспоминает — вопрос, ответ на который дает анализ правок, осуществленных автором в течение 1824–1826 годов. Сложно представить Онегина, который при первом свидании (строфа XII) знакомит влюбленную в него девушку со своим любовным «послужным» списком: «Я [отрок был] и мною правил / Ваш хитрый слабый милый пол». Также в черновом варианте строфы Ia обращение «Признаться ль вам» предполагало наличие как минимум двух участников. В печатном варианте первое свидание Онегина и Татьяны произойдет намного позже.

Особенно интересным выглядит процесс работы Пушкина над IX строфой. Сначала в первом варианте автором также рассматривалась диалогическая форма общения героя и героини: «Я жертва долгих заблуждений» (VI, 342). В «Плане» местоимение «Я» было заменено местоимениями «Он» и «Мой»: «Так точно думал, мой Евгений / Он в бурной юности своей...» (VI, 344). В первой строке между глаголом «думал» и местоимением «мой» поставлена запятая. Отсутствие в черновиках знаков препинания — явление привычное и закономерное. Но когда подобные знаки вводятся в первичный текст вопреки всем правилам правописания, это сигнализирует о важном для автора уточнении. В данном случае Пушкин настойчиво убеждает себя самого и будущего читателя в том, что всё сказанное выше принадлежит именно Онегину, а не ему. По-видимому, именно на этом этапе работы над текстом поэт почувствовал опасное пересечение «своих» и «его» воспоминаний.

Даже если запятая — описка самого автора или редакторов собрания сочинений Пушкина, оборот «так точно» содержит иные смысловые оттенки. Во второй строфе первой главы Евгений — «так думал»: «Так думал молодой повеса, / Летя в пыли на почтовых» (VI, 5). В чет-

¹⁷ Устюжанин Д.Л. Маленькие трагедии А.С. Пушкина. М., 1974. С. 80.

вертой главе — «так точно думал мой Онегин». Небольшая, но существенная в данном случае разница между этими выражениями всё-таки присутствует. Оборот «так точно» в художественной литературе выступает в качестве заверения в истинности сказанного, например: «Граф? — повторил Зарецкой. — Так точно, это тот французской полковник, которого я избавил от смерти, которого сам Рославлев прислал в дом к своей невесте... Итак, есть какая-то непостижимая судьба!»¹⁸ Заверение в истинности сказанного характеризует зависимость «дум» Онегина от воспоминаний Пушкина. Таким способом автор исподволь предлагает читателю поверить в то, что воспоминания принадлежат именно Онегину, а не его создателю, то есть: «Всегда я рад заметить разность / Между Онегиным и мной» (VI, 28).

В последней строке девятой строфы (В «Плане» — № 5) сообщает, что «в первой юности своей... погубил он 8 лет» (VI, 344–345). Когда именно наступила пора первой юности у Онегина, точно неизвестно. Но если исходить из внутренней хронологии романа, предложенной Ю.М. Лотманом, Онегину во время его первой встречи с Татьяной Лариной было 25–26 лет. Отнимаем восемь «убитых» лет. Получаем 17–18. Поздновато! Иное дело — биография автора. В черновике предполагался вариант «Так погубил он 10 лет» (VI, 345). Когда создавалась четвертая глава, Пушкину шел 25-й год. Глава начиналась со строки «Я отрок был и мною правил», к которой есть авторская приписка — «15 лет» (VI, 333). Если от 25 лет отнять 10, получаются те самые 15 лет, когда, будучи в Лицее, Пушкин приобрел первый опыт чувственных наслаждений.

После публикации отрывка «Женщины» читатель легко мог вообразить, что в семи начальных «потаенных» строфах четвертой главы скрыта истинная история любовных походов самого автора. Поэтому фраза «Так точно думал мой Онегин» могла быть воспринята с понятным недоверием: если Пушкин так упорно ссылается на выдуманного им же героя, не является ли это очередной авторской мистификацией? Иными словами, хочешь верь, а хочешь — не верь, что вполне устраивало поэта. Он мог, не раскрывая публично и однозначно деталей личной жизни, всё-таки донести до читателя главное.

В печатном варианте после семи зашифрованных строф в следующей VIII строфе Пушкин публикует свое знаменитое определение: «Чем меньше женщину мы любим, / Тем легче нравимся мы ей» (VI, 75).

¹⁸ Загоскин М.Н. Рославлев, или Русские в 1812 году. М., 1993. С. 461.

Никакого отношения это авторское «открытие» к Евгению Онегину не имеет, так как ранее, в 1822 году, оно впервые появилось в письме поэта младшему брату Льву: «То, что я могу сказать тебе о женщинах, было бы совершенно бесполезно. Замечу только, что чем меньше любим мы женщину, тем вернее можем овладеть ею. Однако забава эта достойна старой обезьяны XVIII столетия. Что касается той женщины, которую ты полюбишь, от всего сердца желаю тебе обладать ею» (XIII, 50).

В той же VII строфе впервые на страницах романа появляется слово «разврат»: «Разврат, бывало, хладнокровный / Наукой славился любовной» (VI, 75)¹⁹. Онегин — специалист в «науке страсти нежной», но все не развратник. Еще дважды это слово встречается во второй и шестой главах. Во второй главе автор осуждает нравы, царившие в высшем обществе:

От хладного разврата света
Еще увянуть не успев...

(II, 34)

В шестой взбешенный Ленский бросает в адрес Онегина эмоциональные, но ничем не аргументированные обвинения:

Не потерплю, чтоб развратитель
Огнем и вздохов и похвал
Младое сердце искал...

(VI, 124)

«Сенсационная» версия доктора Которовского базируется на реалиях XXI века. Поведение Онегина объясняется тем, что герой «...не стал совращать малолетнюю Татьяну, хотя девочка сама предложила ему себя. Онегин должен стать образцом для школьников. Смотрите, ребята, вот настоящий мужчина! Меньше было бы в стране педофилов. Сейчас ведь что ни день появляются сообщения о детях — жертвах насилия. Госдума уже предлагает давать пожизненное заключение тем, кто совершил сексуальные действия с подростками моложе 14 лет. А Татья-

¹⁹ В черновых вариантах IX строфы четвертой главы: «Разврата пламенных <?> страстей», «Развратной юности моей» (VI, 342).

не было 13!»²⁰ Но слово «разврат» в значении «совершать сексуальные действия по отношению к малолетним» в пушкинское время не существовало. Тогдашнее законодательство официально допускало замужество в 13 лет. В «Толковом словаре...» В.И. Даля глагол «развращать» означает «развратить кого-либо, совращать с пути истины; искажать умственно, лжеученьем, или нравственно, склоняя на распутство, на дурную и преступную жизнь. Дурной пример всех развращает»²¹. Поэтому сложно поверить в новомодную версию, опубликованную в «Комсомольской правде».

Литературный герой Пушкина мыслит в пределах романа, где время рассчитано «по календарю». Онегин родился в 1795 году. В 1815-м в Лондоне, а через год в Париже был издан роман Бенджамена Констан «Адольф». Пушкинский герой «...по-французски совершенно / Мог изъясняться и писал» (VI, 6). Поэтому он легко, уже в двадцатилетнем возрасте, мог познакомиться с произведением, которое оказало серьезное влияние на формирование в литературе нового типа молодого человека. В пушкинском романе прослеживаются черты героев Байрона и Константа²²:

...В которых отразился век,
И современный человек
Изображен довольно верно
С его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтаньям преданной безмерно,
С его озлобленным умом,
Кипящим в действии пустом.

(VI, 148)

В отличие от Онегина, поведение и поступки которого обусловлены новомодными тенденциями, автор обращается к прошлому:

²⁰ См.: *Черных Е.* Онегин отверг любовь Татьяны, так как не был педофилом?

²¹ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1978. Т. 4. С. 20.

²² *Ахматова А.А.* «Адольф» Бенжамена Констан в творчестве Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М. ; Л., 1936. [Вып.] 1. С. 91–114.

...Но эта важная забава
Достойна старых обезьян
Хваленых дедовских времен.

(VI, 75)

В «дедовские времена» появились на свет дед Пушкина Осип Абрамович Ганнибал и не упомянутый в романе дедушка Онегина. Тогда же родились и вышли замуж няня Татьяны и няня Пушкина. В те же времен вышел в свет роман Ричардсона «Кларисса», в котором повествовалось о красавце-аристократе Ловеласе, соблазнившем главную героиню. Это произведение оказало серьезное влияние на формирование специфических норм поведения:

Разврат, бывало, хладнокровный
Наукой славился любовной,
Сам о себе везде трубя
И наслаждаясь не любя...

(VI, 75)

Одним из носителей информации о тех временах и нравах стала Арина Родионовна, которая не только рассказывала сказки, но и развлекала поэта и его друзей:

Про стародавних бар пленительным рассказом:
Мы удивлялися почтенным их проказам...²³

На первый взгляд может показаться, что, дважды упоминая о тринадцатилетних представительницах женского пола, автор выстраивает простейшую антитезу: в «дедовские» времена герой соблазнил героиню, в «новые» — пожалел.

Но обращаясь к содержанию диалога Филипповны и Татьяны, вчитываясь в текст любовного послания героини, понимаешь, что речь здесь идет не об изменившихся нравах, не о свадьбе, венчании и свекрови, а о странностях любви. Природа любви у мужчин и женщин проявляется по-разному. Об этих отличиях говорится в «Романе в письмах»:

²³ Языков Н.М. Полное собрание сочинений. М. ; Л., 1964. С. 240–241.

«Чтение Ричардсона дало мне повод к размышлениям. Какая ужасная разница между идеалами бабушек и внучек! Что есть общего между Ловласом и Адольфом? между тем роль женщин не изменяется. Кларисса, за исключением церемонных приседаний, всё же походит на героиню новейших романов. Потому ли, что способы нравиться в мужчине зависят от моды, от минутного мнения... а в женщинах — они основаны на чувствах и природе, которые вечны» (VIII, 47–48).

К числу вечных относятся и те проявления чувств, которые в наше время носят название «первая любовь». О том, что именно о ней идет речь в романе, намекает сам автор в IX строфе пушкинского «Плана»: «Мне ли соединить мою судьбу с вами. Вы мне избрали, вероятно, я первый ваш passion...» (VI, 346). К Татьяне это чувство пришло в 17 лет, что коррелирует с тенденциями, проявившимися в начале XIX века. К кому-то оно приходит раньше, к кому-то позже: когда чувства и природа скажут. Кажется, именно эту мысль Пушкин хотел донести до читателя.

Тогда почему же автор отказался от варианта «15 лет» и предпочел ему вариант «13 лет»? Заметим, что последний появился спустя несколько лет в печатной публикации 1828 года. У поэта было время подумать, скорректировать текст.

Вариант «13 лет» позволял выстроить симметричную конструкцию, позволявшую сопоставить возраст любви в «дедовские времена», в которые, по мнению Филипповны, любви вовсе не существовало, с позитивными изменениями, ставшими следствием новых веяний. Причем не только на уровне тенденции, но и на уровне законодательства. В 1830 году вышел указ, зафиксировавший то, к чему в течение века двигалось русское общество: нижний порог выхода замуж был поднят с пресловутых 13-ти до 16-ти лет²⁴. Повышение брачного возраста способствовало развитию и осуществлению данных природой высоких чувственных порывов. Дата «тринадцать лет» стала притчей во языцех на протяжении XVIII — начала XIX века: от церковных положений, скоропалительного указа Петра I, указов 1762 и 1774 годов до указа 1830 года. Возможно, автор в данном случае действовал по аналогии с его же уточнениями к XVIII строфе третьей главы²⁵. С той лишь

²⁴ Пушкирева Н.Л. Частная жизнь русской женщины XVIII века. С. 24.

²⁵ См.: Козмин В.Ю. «...А было мне тринадцать лет» (из комментариев к роману А.С. Пушкина Евгений Онегин) / Пушкин в культуре: к 225-летию со дня рождения: материалы международной научной конференции (10–12 октября 2024 года). Псков, 2025 (в печати).

разницей, что в четвертой главе Пушкин подверг возрастной типизации не брачные отношения, а способность человека к любви, которая, по его мнению, могла пробудиться уже в 13 лет. В этом состояло отличие нового времени от старого. Дата «тринадцать лет» превращалась из возраста замужества в возраст влюбленности или того состояния, которое в наше время носит название «первая любовь». То есть становилась «просто выражением». Так же, как «просто выражением» ранее стала дата «в семнадцать лет», означавшая переход девушки в статус невесты.

Тем не менее, ряд авторских помет в черновых рукописях дают основание для поиска автобиографических черт в юной героине восьмой строфы. Но это предмет отдельного исследования.